

Райцентр, в котором Ксении предстояло жить какое-то время, неожиданно оказался похож на пряничный городок. Точнее, на зефирный, потому что жилые дома в один-два этажа, построенные еще в девятнадцатом веке, были белыми, розовыми, зелеными и голубыми.

Центральных улиц насчитывалось всего три, а поперечные, делящие город на аккуратные квадраты, обязательно начинались у реки и заканчивались у одной из церквей, которых Ксения за пару дней насчитала не менее восьми. Белоснежные, пронизывающие небо серебром и золотом куполов, напоминающих пики крепко взбитого бе-зе, они усиливали впечатление легкой сказочности, праздничности даже.

Городок был чистенький и аккуратный, с залатанными ямами на дорогах, где-то заасфальтированными, а где-то деревянными тротуарами, возникающими перед глазами то тут, то там памятниками и арт-объектами, построенными на деньги местных «купцов и меценатов», и современной широкой набережной, построенной, как объяснили местные, всего два года назад и оснащенной удобными скамейками, витыми фонарями и расставленными на каждом шагу урнами. Благодаря наличию последних на набережной было чисто.

Частные дома своевременно белились и подкрашивались руками заботливых хозяев, а ветхие строения стыдливо кутались в баннерную ткань, на которой руками неведомого художника был восстановлен их изначальный облик. Это был вклад в порядок и процветание, внесенный город-

скими властями. Ксении здесь нравилось, и это тоже оказалось неожиданностью.

Отправляясь сюда, в Малодвинск, она была готова к унылому существованию в пришедшем в окончательный упадок провинциальном городке, суть жизни в котором идеально описывалась старым, советским, очень любимым Ксенией фильмом «Безымянная звезда». «Если бы вы знали, какая здесь тоска, когда идет дождь», — говорила с неизбывной безнадежностью в голосе одна из героинь фильма.

То ли потому, что за несколько дней пребывания Ксении в Малодвинске дождь не шел ни разу, то ли по причине того, что ее представления о жизни в уездном городе М. оказались бесповоротно устаревшими, но ей не было ни тоскливо, ни скучно, ни некомфортно. Конечно, бытовые условия, какими бы они ни оказались, ее заботили мало. Она ехала в Малодвинск не за удобствами. Ее целью было обустроить надежный тыл для Милы, единственной Ксений дочери, принявшей сумасбродное и безрассудное решение бросить работу в расположенной в областном центре языковой гимназии и уехать в глушь.

Разумеется, решение родилось не на пустом месте и сподвижничества в нем не было ни на грамм. Просто после восьми лет отношений с молодым человеком, из которых три года пара даже прожила вместе, пусть и не торопясь зарегистрировать брак, но все-таки ведя, как это называла Ксенина мама, совместное хозяйство, Мила осталась одна.

Вместо официального предложения руки и сердца, которого вся их семья ждала с нетерпением, молодой человек собрал вещи и съехал к родителям, сообщив, что к семейной жизни не готов, от Милы устал, и вообще она — не та женщина, которую он видит матерью своих детей. Моло-

дой человек ушел, а неприятный привкус от всей этой истории остался, и решение Милы полностью поменять жизнь скорее напоминало эвакуацию.

— Ты уверена, что хочешь все разрушить? — осторожно спросила Ксения у дочери, когда та сообщила, что уволилась из гимназии и устроилась на работу учителем английского языка в среднюю школу города Малодвинска. — Мила, ни один мужчина не стоит наших слез, а уж таких жертв он не заслуживает тем более. У тебя престижная работа, ты на хорошем счету, и, в конце концов, областной центр — это, конечно, не столица, но возможностей для досуга тут все-таки гораздо больше, чем в заштатном уездном городишке, до которого пять часов езды. Там, к примеру, даже в театр не сходишь.

— Ну, положим, в театры я и здесь не хожу, — мрачно заметила Мила. — Во-первых, они сейчас закрыты, а во-вторых, ты же знаешь, я не люблю самодеятельность. Нет, мам, не отговаривай меня, я все решила. Я жила в полной уверенности, что знаю, что меня ждет впереди. У меня вся жизнь была расписана. Я возвращалась с работы, готовила ужин, ждала Антона, мы вместе смотрели кино или встречались с друзьями, я ждала вскоре свадьбу, планировала, как мы будем воспитывать детей и вместе доживем до глубокой старости, но оказалось, что все эти фантазии существовали исключительно в моей голове. Что ж, если моим иллюзиям было суждено рассыпаться в прах, то почему бы не разрушить до основания и все остальное, чтобы начать заново? Я не хочу ходить по улицам, вздрагивая оттого, что могу увидеть Антона или услышать его голос. Я еду туда, где буду на сто процентов застрахована от случайной встречи.

— Такое чувство, что ты себя наказываешь ссылкой. Но ведь ты ни в чем не виновата.

— Я виновата в том, что позволила другому человеку взять и стереть восемь лет моей жизни. Мне было девятнадцать, когда мы начали встречаться. Сейчас мне двадцать семь, и я нахожусь все в той же точке, с которой когда-то стартовали наши отношения. Незамужняя, бездетная, красивая, свободная. Более образованная и опытная, менее веселая и беззаботная. Вот и вся разница. Мама, в конце концов, разве ты в свое время поступила не точно так же?

Крыть было нечем. Ксения, выскочившая замуж, будучи студенткой Литературного института, и отхватившая очень перспективного мужа — будущего дипломата, сына атташе канадского посольства, тоже была уверена, что вся ее будущая жизнь видна как на ладони. В двадцать лет она родила Милу, отправленную на время к бабушке, чтобы дать молодым родителям возможность окончить институты, а получив диплом, уехала вместе с дочерью за мужем в Канаду.

С той же решительностью, с которой она осваивала чужую страну, заставляя принять там себя за свою, она вернулась на родину спустя десять лет, когда брак распался, изжив себя. Цепляться за возможность жить в Канаде самой или оставить там дочь она не стала. Да, Мила права, тогда ее гнало прочь именно нежелание ходить с бывшим мужем по одним улицам, дышать одним воздухом. Он ее предал, а этого Ксения Королева не простила.

Она вернулась домой и начала все сначала, за пятнадцать лет превратившись в одного из самых успешных российских переводчиков. Ее специализацией стали детекти-

вы, во-первых, потому, что Ксения их любила, а во-вторых, потому, что детективный жанр пользовался неизменным спросом: работы много, доходы стабильные. Да, пожалуй, она понимала, почему ее дочь решила уехать. Вот только, немного подумав, Ксения приняла решение ехать вместе с ней, хотя бы на первые пару месяцев, пока Мила не обживется на новом для нее месте.

Работать она могла в любой точке земного шара, семидесятилетние родители в помощи не нуждались, прекрасно справляясь вдвоем, да и благополучие единственной внучки их волновало гораздо больше, чем свое собственное. Так уж вышло, что, уезжая из родного города, кроме родителей, Ксения Королева никого в нем не оставляла.

После давнего предательства мужа она так и не научилась снова доверять мужчинам. Романы у нее, конечно, бывали, но терпеть чужую лень, или трусость, или безалаберность, или бесхозяйственность, далее шел длинный список мужских качеств, из которых можно было выбрать любое слово, она не хотела. Не считала нужным.

Сейчас, в сорок семь лет, Ксения пребывала в полной уверенности, что возможность романтических отношений для нее осталась в далеком прошлом. Вокруг было слишком много молодых, резвых, состоявшихся, умных и красивых женщин, готовых составить ей достойную конкуренцию. Более того, одна из таких конкуренток была ее собственной дочерью, и, глядя на Милу, Ксения отчетливо понимала, что шансов нет. Ни единого. Да и ладно. Не больно-то и хотелось.

В ее устоявшейся повседневности не находилось места мужчинам с их проблемами и той сумятице, которую любой роман неминуемо приносил в жизнь. Зато присут-

ствовали новые книги, работа над переводами, неспешное течение будней, любимые родители, не требующие особой заботы, драгоценная дочь, которой сейчас было плохо. Отправившись вместе с Милой в Малодвинск, Ксения могла снять с ее плеч хотя бы малую толику забот и на первых порах избавить свою девочку от одиночества в незнакомом городе. Значит, решено, она тоже едет.

Двухкомнатная квартира, которую в качестве служебного жилья выделили новой учительнице, занимала половину небольшого деревянного домика со всеми удобствами на улице Чехова, практически в самом центре. Крыльцо выходило в небольшой, довольно запущенный, тенистый сад, где росли яблони, рябины, кусты сирени и шиповника. Дом принадлежал школе, и вторая его половина стояла пустая, предназначенная для учителя химии, которого пока так и не нашли. В доме и саду было тихо, и Ксению с Милой это вполне устраивало.

Дочь переехала в Малодвинск две недели назад и уже довольно хорошо освоилась в маленьком городке, знакомя теперь с ним мать. Ксения, задержавшаяся из-за поездки в московское издательство, которую откладывала с начала лета, приехала всего три дня назад и все никак не могла привыкнуть к пряничным улицам и зефирно-сливочным домам, а также неспешному, немного сонному укладу вкупе с доброжелательным любопытством местных жителей.

До начала учебного года оставалось две недели с небольшим, и дочь была решительно настроена войти в новый коллектив, подготовить все необходимые пособия, а также обойти семьи «своих» детей — ей вменили в обязанность и классное руководство. Что ж, надо привыкать к то-

му, что большую часть дня Ксении придется проводить время в чужом городе в одиночестве. Правда, работу никто не отменял, перевод нового детектива она должна сдать не позднее чем через два месяца. Книга была со шпионским уклоном, по крайней мере главный ее герой был отставным разведчиком, против своей воли втянутым в доморощенное детективное расследование.

Шпионские разборки Ксения не любила, предпочитая психологические триллеры, поэтому всю книгу целиком читать не стала, решила, что в этот раз будет переводить постранично, только в конце сделав литературную обработку текста. Иногда, когда книга захватывала ее целиком, она глотала ее за пару ночей и приступала к переводу, уже зная, как будут развиваться события. Но этот сюжет, судя по аннотации, для нее интереса не представлял. Жаль, конечно, но что поделать, работа есть работа.

Хлопнула входная дверь, заставив Ксению оторваться от экрана ноутбука и бросить взгляд на часы. Без четверти пять, Мила вернулась с работы. Выйдя в прихожую, Ксения с нежностью смотрела на дочь, стаскивающую с ног кроссовки.

— Привет, Милка, как рабочий день?

— Все хорошо, — дочь пристроила на тумбочку рюкзак, сунула ноги в тапочки и поцеловала мать в щеку. — Директриса так рада, что у нее теперь есть учитель английского, что при любом удобном случае готова меня расцеловать. Остальные, конечно, относятся ко мне по-прежнему настороженно, потому что не понимают, откуда я свалилась на их голову, но держатся в рамках. Все очень вежливы и корректны. А дальше видно будет. Нет, он все-таки очень красивый.

— Кто красивый? — не поняла Ксения. Ее дочь отличалась стремительностью мысли, а потому уследить за ходом ее рассуждений иногда бывало трудновато. — Кто-то из учителей? Скажем, физрук, трудовик или математик?

— Физрука зовут Ольга Константиновна, — отрапортовала Мила. — Ей около сорока и выглядит она соответственно возрасту и профессии.

— Нахалка, — пробурчала Ксения, которая любые намеки на возраст воспринимала болезненно. — Твоей матери сорок семь.

— Моя мать — красавица, а не учитель физкультуры, — безапелляционно сообщила Мила и снова поцеловала Ксению. — Всем математикам, то есть, разумеется, математичкам, крепко за шестьдесят, а учителя труда зовут Василий Игнатьевич, он в прошлом году вышел на пенсию, но я его пока не видела, потому что, как болтают злые языки, он пребывает в запое. А красивый — наш сосед. Mam, ты что, не помнишь, я же тебе рассказывала.

Действительно, в первый же вечер дочь ей все уши прожужжала о том, что в соседнем доме живет какой-то потрясающий мужик. К этой информации Ксения отнеслась скептически, потому что никому потрясающему в Малодвинске взяться было совершенно неоткуда. Но в целом восторженность дочери вызвала у нее тревогу. После расставания с Антоном Мила находилась не в самом лучшем состоянии, и новая привязанность, возникшая по принципу «клин клином вышибают», сулила немало бед.

— Припоминаю, — уклончиво сказала Ксения и перевела разговор на другое: — Есть будешь? Я картошку поджарила. Ты знаешь, я с детства такой вкусной картошки не ела.

— Мамочка, в городе она из супермаркета, а тут от соседки, тети Стешы. Со своего огорода, не на химических удобрениях, а на натуральном навозе, потому и вкусная.

— Милка, ты-то откуда можешь про навоз знать? — Ксения не выдержала, рассмеялась. Ее дочь была типичным городским ребенком, даже дачи в их семье никогда не было.

— Мам, не забывай, что я здесь уже третью неделю и в твоё отсутствие была единственной жертвой пристального внимания соседок. Правда, не всех, — на этих словах Мила вздохнула. Видимо, тот самый неведомый Ксении красивый сосед не проявлял к ее дочери должного внимания. Слава богу! — Тетя Стеша взяла надо мной своеобразное шефство, снабдила картошкой, капустой, помидорами и целой корзиной огурцов. А заодно задала сто пятьдесят вопросов о том, кто я и откуда. Давай свою картошку, потому что пахнет ужасно вкусно. Мне только позвонить надо.

— Звони, я пока погрею. — Ксения прошла в кухню, повязала фартук, встала к плите, радуясь, что все идет именно так, как она задумала. Ради этого — стоять у плиты и кормить вернувшегося с работы ребенка — она и приехала в Малодвинск.

Сменившая строгий рабочий костюм на джинсы и свитерок Мила протиснулась на маленький угловой диванчик, оставшийся на кухне от прошлых хозяев, с удовлетворением осмотрела накрытый стол, на котором стояли миска с маринованными помидорами, тарелка с малосольными огурцами, блюдо с квашеной капустой и корзинка с нарезанным черным хлебом. Его пекли в местной пекарне, и был он таким вкусным, что в первый же вечер Ксения съела зараз полбуханки и только после этого опомнилась.

Она поставила перед Милой тарелку, полную жареной картошки, затем положила себе, существенно меньше, с учетом возраста, требовавшего определенных ограничений, села напротив, с легкой улыбкой глядя на то, с каким аппетитом ест дочь.

— Ты чего такая озабоченная?

Внутреннее состояние Милы она считывала легко, с самого детства чувствуя ту незримую нить, которая часто возникает между матерью и дочерью. Сейчас ее девочка была чем-то обеспокоена.

— Вика на занятие не пришла и трубку не берет.

— Вика?

— Мам, ты меня что, вообще не слушаешь? Про соседа не помнишь, про Вику тоже... Я тебе рассказывала, что, пока в первые дни ночевала в гостинице, познакомилась с девушкой. Она студентка в местном колледже туризма, пока учится, подрабатывает горничной, но мечтает о карьере, поэтому, узнав, что я преподаю английский, попросила меня с ней позаниматься. У них же тут под туризм все заточено, иностранцы бывают, с языком больше шансов на хорошую зарплату.

— И ты, разумеется, согласилась помочь, — с улыбкой сказала Ксения. — Бесплатно.

— Мам, ну откуда у нее деньги. — Мила смотрела с упреком, словно меркантильность матери ее удивляла. — Вика сирота, ей и так несладко приходится, но она рук не опускает, учится, работает, тянется к чему-то. Это стремление поддерживать надо и да, помогать, по мере возможности. Мне нетрудно, тем более что она очень старается.

— Так я ж не против. — Ксении внезапно стало стыдно. — Занимайся со своей Викторией на здоровье. Если хо-

чешь, я могу присоединиться. У тебя сейчас уроки начнутся, будешь в школе допоздна, а я сама себе хозяйка.

— Ой, мамочка, это было бы чудесно. Твой английский ничуть не хуже моего.

— Вот поганка, — Ксения засмеялась.

Ее дочь, уехавшая в Канаду в трехлетнем возрасте, естественно, говорила на английском как на втором родном языке, а для Ксении он был все-таки иностранным, хоть и владела она им на продвинутом уровне профессионального переводчика.

— В общем, я охотно позанимаюсь с твоей Викой, чтобы освободить тебя от дополнительной нагрузки. Если она захочет, конечно. С учетом, что она не пришла на занятие и даже не перезвонила, ее усердие вызывает у меня сомнение. Милка, ешь давай, все остынет.

— Я ем-ем, очень вкусно, — проговорила Мила шепеляво, потому что рот ее был занят горячей картошкой. — Мам, а все-таки здорово, что ты решила поехать со мной. Я ужасно тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. — Голос Ксении предательски дрогнул. Она вообще была «быстрослезка», как называла это ее мама, слишком сентиментальная и в любой момент готовая расчувствоваться. — Милка, возможно, ты мне сейчас и не поверишь, но у нас с тобой все обязательно будет хорошо.

— Я в этом и не сомневаюсь, — уверенно сообщила дочь. — Поэтому и уехала в Малодвинск. Мамочка, чтобы впустить в свою жизнь что-то новое, сначала нужно освободить место от старого. Именно это я и сделала.

— Городок, конечно, чудесный, — осторожно сказала Ксения. — Признаю, что моей пессимизм по поводу твоего переезда был не совсем оправдан. Но все-таки связывать

с ним новую страницу в жизни я бы не стала. Мил, мне не кажется, что ты сочтешь местный круг общения, скажем так, интересным. Вот если бы в Москву переехала, я бы тебя поняла. Это город возможностей. Но Малодвинск...

— Мама, никогда не замечала в тебе снобизма. Люди везде одинаковые, и счастье может поджидать прямо за поворотом. Вот выйдешь ты из дома, завернешь за угол и встретишь там свою судьбу. И в Малодвинске это может случиться с той же вероятностью, что и в Москве. Судьба, знаешь ли, не зависит от географии.

— Я надеюсь, ты сейчас не про соседа, — мрачно пошутила Ксения. — Ладно, Милка, мое счастье заключается исключительно в тебе. В твоём спокойствии и хорошем настроении. Так что в моем случае картинка за окном точно не имеет никакого значения. Тебе положить еще картошки?

* * *

Этой ночью заснуть опять не удалось. Впрочем, бессонница, даже такая изнурительная, как нынешняя, не вызвала в нем ни раздражения, ни горечи. Что-то, а чувствва он умел держать под контролем надежно, сохраняя одинаковую работоспособность, концентрацию и настроение. Андрей Погодин никогда не боролся с тем, что нельзя изменить. Причины его бессонницы были понятны, снимать ее таблетками он не хотел, потому что седативные препараты туманили разум, и хотя здесь и сейчас, в Малодвинске, он впервые за долгие годы вполне мог себе позволить впасть в беспамятство, въевшаяся в кровь привычка не позволяла ему утратить контроль над ситуацией. И над собой. Уж лучше не спать. Рано или поздно организм устанет настолько, что вырубится без всякой химии.

Даже самому себе он не признавался, что не дает себе расслабиться, потому что чувствует неведомую опасность. Ее приближение он ощущал, что называется, спинным мозгом. Это было на уровне инстинктов, тренируемых годами. Опасность крылась в случайном отпечатке следа, найденном после дождя в саду, в неясных тенях, которых он нечаянно шуганул два дня назад, выгнанный на крыльцо бессонницей и тоской по Линн и детям. То есть по Алине и детям.

Сюда, в этот дом, он привозил Алину только однажды, тридцать лет назад, незадолго до свадьбы, чтобы познакомиться невесту с бабушкой, которая тогда была еще жива. Так уж получилось, что ее он тогда видел в последний раз. Как он помнил, она тогда все порывалась что-то ему рассказать, то ли семейную легенду, то ли просто какую-то историю из далекого прошлого.

Он не слушал, потому что в двадцать лет, особенно когда ты влюблен, тебя не интересуют никакие легенды, да и прошлого не существует в принципе. Не то что сейчас, в пятьдесят, когда былое, как огромный кит, всосало практически всю твою жизнь, в последний момент выплюнув из своей осклизлой пасти тебя самого и оставив лежать без сна в ночной тьме, обессиленно вглядываясь в деревянный потолок, единственное, что у тебя осталось в настоящем.

В потолке тоже крылась опасность, потому что как минимум однажды там, на чердаке, кто-то ходил. Шаги, легкие, еле слышные, он уловил сквозь поверхностный сон, в который тогда провалился, и, вынырнув из него, поднялся на чердак, прихватив фонарь и оставшийся из прошлой жизни нож — настоящий «Смит и Вессон», предназначенный для американских подразделений спецназа.

Нож был подарком одного из сокурсников по Гарварду, и, разумеется, он никогда не носил его с собой. И только здесь, в Малодвинске, начал, чувствуя опасность и кляня себя за малодушие и «дамские истерики», к коим никогда не был склонен. На чердаке, разумеется, никого не оказалось, кроме большого черного кота, который теперь жил с ним, хотя бы немного разбавляя просачивающийся из углов дома туман одиночества.

А еще Андрей обнаружил слежку. Это было совсем уж дико, потому что он был точно уверен в том, что наблюдать за ним тут никто не может. Любая слежка не имела ни малейшего смысла, тем более в Малодвинске, городке его детства, в котором часть людей помнила его кудрявым светловолосым пацаненком, а часть не знала вовсе. И тем не менее за ним следили. Неожиданным филером оказалась поселившаяся пару недель назад по соседству молодая, довольно симпатичная женщина, то и дело сталкивающаяся с ним на улице.

Невзначай Погодин навел справки и всерьез задумался. Женщина оказалась внезапно приехавшей в местную школу из областного центра учительницей английского языка.

— Два года надеялись, что нам учителя найдут, — рассказывала Андрею «случайно» встреченная им на улице Мария Арнольдовна, его бывшая классная руководительница и учительница математики. — Никто не соглашался. Еще бы. Жить в глуши на служебной квартире, чтобы учить детей за копейки, кто ж захочет. Директор наш, Леночка Крылова, твоя одноклассница, ты должен помнить ее, Андрюша, уж отчаялась совсем. И тут звонят из облоно, то есть из Департамента образования, конечно, вечно я эти названия путаю, и говорят: «Встречайте, едет к вам англичан-

ка». Мы прямо ушам своим не поверили. Но нет, оказалось, это правда. И такая девочка чудесная, до этого в специализированной гимназии преподавала.

Появление в Малодвинске «англичанки» из специализированной гимназии именно в тот момент, когда сюда приехал и Андрей, не нравилось ему категорически. И то, что он все время натыкался на эту «чудесную девочку», стоило ему только выйти из дома, не могло быть простым совпадением. Интересно, кто она и что ей надо.

На прикроватной тумбочке сработал будильник. Старый, еще бабушкин, он издавал такой грохот, что тахикардия начиналась. Хлопнув по двум металлическим сферам, венчавшим творение советских часовщиков, Погодин заставил будильник заткнуться и рывком выбросил свое тело из кровати. Терзавшая его бессонница не имела никакого отношения к распорядку дня, предусматривавшему ранний подъем.

Турник на улице был тот же, что и в детстве. Вставить в уши наушники. Выбрать на телефоне нужный плей-лист. Сделать для разогрева мышц несколько наклонов и круговых движений руками, ногами и корпусом. Подтянуться двадцать пять раз. Простоять в планке, пока длится только что начавшаяся песня. Выбор музыки рандомный, а значит, стоять придется сколько повезет. Может быть, две с половиной минуты, а может, и четыре.

В плей-листе была композиция исполнителя под именем KidWise, называлась она «Океан» и длилась семь минут. Андрею она нравилась, потому что задевала в душе какие-то неведомые струны, но когда она выпадала во время утренней гимнастики, он внутренне содрогался, потому что, когда стоишь в планке, становится не до пустяков.

Вот и сегодня к началу седьмой минуты пот заливал глаза, мелко и противно дрожали плечи, начали неметь локти, прессу стало горячо-горячо, как будто ровно под животом развели костер, налился тяжестью затылок.

The more you care
The more you dare
The more you go inside my head
See the waves that rise and fall
In the ocean I won't let you fall
Again.

До проигрыша, разумеется музыкального, за которым, хвала небесам, следовал конец композиции, оставалось секунд тридцать.

— А это не вредно? Так долго стоять в планке.

Женский голос раздавался откуда-то сверху, его обладательницу изнемогающий от титанического физического усилия Андрей не видел. Правда, послышался какой-то шорох, и перед его носом появились женские ноги, вставленные в аккуратные белые кроссовки. С носа скатилась капля пота и тюкнула одну из них. Кажется, левую.

Сдавшись перед неизбежным, Погодин согнул руки, аккуратно опустил на живот, быстро перевернулся, вскочил на ноги, вытащил из ушей наушники, требовательно глядя на обладательницу кроссовок. Ну да, он не ошибся. Чудесная девочка. Again. То есть снова.

— Прошу прощения...

Чуть вопросительная интонация и безукоризненная вежливость были сейчас более чем уместны. В нем говорило не хорошее воспитание, а только выучка, школа. Там, где его учили, знали толк в том, как поставить собеседника

в неловкую ситуацию. Девчонка таки занервничала, затеребила тесьму от капюшона на своем худи.

— Извините, я не хотела вам мешать.

— И тем не менее это у вас получилось. — Он вовсе не собирался ее жалеть. — Могу я поинтересоваться, что вы делаете у меня в саду?

— Сад у нас общий, — она своенравно закусила губу, видимо не желая сдаваться без боя. — Я живу в соседнем доме и, как и вы, вышла на утреннюю зарядку.

— И как давно это у вас?

— Что именно?

— Любовь к зарядке. Простите, но поклонницей ежедневных физических упражнений вы не выглядите.

— Вы хамите? — с подозрением в голосе спросила девчонка.

На вид ей было лет двадцать пять — тридцать. Скорее молодая женщина, чем девчонка, но Погодина никогда не интересовали старлетки. Да и хлопот с ними не оберешься.

— Нет. — Ему вдруг стало интересно, что она будет делать дальше. Его односложные ответы не оставляли возможности для маневра.

— Разрешите представиться, меня зовут Камилла Эрнандес. — Свою неожиданную тягу к утренней гимнастике она решила оставить без объяснения, явно ожидая эффекта, вызванного ее действительно необычным именем. Особенно для Малодвинска.

— Погодин. Андрей Михайлович, — он снова замолчал, следуя все той же выбранной тактике. Этой девице было что-то от него надо, вот пусть и выкручивается, выискивая тему для продолжения диалога.

— Вы тут живете? Я имею в виду, постоянно? — Что ж, в упорстве ей не откажешь.

— Нет.

В конце концов, кто бы ее ни подослал, подозрения этих людей стоило усыпить, поэтому Андрей, немного помолчав, все-таки принял решение дать более развернутый ответ:

— Приехал сюда в отпуск. Я родился и вырос в Малодвинске, но много лет его не навещал. Вот, решил вспомнить детство.

— Теперь понятно.

— Что именно? — Андрей «зеркалил» девчонку, ее речь и манеру вести диалог. От этого, он видел, она терялась все больше.

— Вы не похожи на жителя Малодвинска.

— То же самое можно сказать о вас.

— Я действительно не местная. Приехала работать в школе, преподавать английский язык.

— Да, у детей в российской глубинке реальные проблемы с языками. Как правило, их преподаватели сами ими не владеют, так что научить разговорной речи не могут. Максимум таблице времен глагола. Present Perfect, Past simple, и вот это вот все...

В глазах у нее мелькнуло какое-то непонятное выражение.

— А вы, я вижу, разбираетесь.

— Исключительно в рамках школьного курса. Во времена моей юности с учителем английского в Малодвинске уже были проблемы.

— Значит, моим ученикам повезет больше, чем вам. — Она пожала плечами. — Я наполовину канадка. Я там выро-

сла, поэтому английский — мой второй родной язык. Present Perfect, Past simple, и вот это вот все...

Опачки. Вот это было уже совсем интересно и вовсе не понятно. Во-первых, дилетантом она не была и «зеркалить» тоже умела. Во-вторых, Канада... Нет, это не может быть простым совпадением. В случайности Андрей Погодин давно не верил.

— Вас зовут Камилла, вы наполовину канадка и будете учить местных оболтусов английскому языку, потому что именно так понимаете свое призвание. Считайте, что я принял эту информацию к сведению, — сухо сказал он. — А теперь, с вашего позволения, я, пожалуй, вернусь к своим упражнениям.

Она немного подумала, словно взвешивая, обижаться или нет на то, что он, пусть и вежливо, но все-таки решил от нее отделаться.

— Да, конечно, — девица предпочла не обижаться. — Вы, если захотите, можете вечером прийти к нам в гости. Мы с мамой будем вам рады. Раз вы приехали после долгого отсутствия, то у вас, как и у нас, нет тут никаких знакомых.

— Всенепременно. — Ни в какие гости Андрей, разумеется, не собирался, но и в том, что новая атака на него будет предпринята в ближайшее время, не сомневался. Еще и мама. Значит, их двое. Или больше? Он был уверен, что рано или поздно обязательно в этом разберется.

— Тогда я пошла?

— Всего доброго.

Она снова закусила губу и отправилась восвояси. Даже про «физкультурную» легенду позабыла. На лице ее отпечаталась явная досада, как будто Камилла Эрнандес осталась недовольна состоявшейся беседой и ее результа-

тами. Нет, а что ты хотела, девочка? Погодин внутренне усмехнулся. Тренировать вести диалог его начали тогда, когда она и на свет-то, похоже, не родилась. И все-таки, кто ее прислал? И зачем?

— Ондрюшко, ты тут ли? Я молоко принесла. И шаньги напекла. С картошкой сегодня. Горячие. Иди-ко поешь,— по дорожке, ведущей в сад с улицы, деловито семеняла тетьа Стеша, бойкая семидесятипятилетняя старушка, в далеком прошлом бывшая подружкой погодинской мамы и теперь взявшая над Андреем своеобразное шефство.

По крайней мере, свежее молоко с рынка, а также выращенные на огороде овощи и домашние пироги Андрей получал от нее исправно. Взамен пришлось вспомнить юношеские навыки и починить прохудившийся забор, купить новый электрический насос взамен сгоревшего (перематывать мотор старого Погодин отказался наотрез), а также выслушать пару историй из маминой и тети-Стешиной молодости. Не такая уж и большая цена за еду, какой Погодин не ел лет тридцать и вкусовые качества которой, оказывается, успел основательно подзабыть.

— Иду, тетя Стеша! — прокричал он. — Спасибо.

Подойдя к крыльцу, он взял из рук стоящей там женщины литровую банку с молоком. Он и не думал, что такими еще кто-то пользуется, но тут, в Малодвинске, жизнь словно застыла в нескольких десятилетиях назад, или это машина времени забросила Погодина в прошлое, и он просто не понимает, что каждое утро снова просыпается безусым юнцом, у которого впереди целая жизнь. Шанежки, лежащие на старой, щербатой фаянсовой тарелке и заботливо укутанные полотенцем с вышитыми на нем петухами, он

взял тоже. Даже сквозь полотенце от тарелки поднимался умопомрачительный дух.

— Заходите в дом, — сказал Андрей чуть лицемерно, — чужих людей в своем жилище он не переносил на физическом уровне, но сейчас собирался снять с ничего не подозревающей тети Стеши информацию о двух женщинах, так своевременно поселившихся по соседству. — Вместе чаю попьем. Я прекрасный чай привез.

— Индийский? — со знанием дела спросила тетя Стеша. — Или китайский?

Чай был кенийский, редкого сорта, очень дорогой, но говорить про это тете Стеше Погодин не собирался.

— Хороший, — уклончиво сказал он.

— Хорошего я бы попила, — сказала пожилая женщина с сожалением, смешно делая ударение на первом слоге — попила, вот как у нее получалось. — Но некогда мне, Ондрюшко, надо бежать — Вику искать. Николай Петрович утра позвонил, волнуется, что она уж два дня не приходила, и дозвониться до нее не может, вот ведь незадача. Загуляла, что ли, девка? Так на нее не похоже. Хоть бы до беды-то не дошло, хотя откуда ей взяться, беде-то?

С точки зрения Погодина, поток произносимых тетей Стешей слов напоминал несвязный бред. Какая Вика пропала? Куда она должна была прийти? Кто такой Николай Петрович и почему он волнуется? Впрочем, уточнять все это Андрей не собирался. Чужие дела, включая возможные беды, его не касались.

— Ладно, тетя Стеша. Тогда чай в следующий раз с меня. За шанежки спасибо.

— На здоровье, сынок. Побегла я.

Позавтракав шанежками с молоком, именно так, как приучила в детстве бабушка, Андрей принял душ, переоделся в рабочую одежду и отправился чинить забор. За тот месяц, который он провел в Малодвинске, он уже перечинил в доме все, что требовало мужских рук после долгих лет отсутствия настоящего хозяина. Движимый какой-то дурацкой ностальгией по детству, которую он давным-давно запретил себе испытывать, он даже восстановил лестницу для кота.

Это бабушка когда-то придумала — вырезать в оконном стекле круглую дырку, вставить туда кусок широкой трубы, а снаружи приладить к отверстию деревянную лесенку, по которой живущий в доме кот мог бы спускаться на улицу и возвращаться обратно, не мяукая истошно на крыльце.

Лестница для кота была достопримечательностью их городка, на которую ходили смотреть приезжие. За те годы, что в доме никто не жил, она развалилась, оставив только дырку в стекле, которую чьи-то добрые руки забили фанеркой. После того как Погодин нашел на чердаке приبلудного черного кота, он принял решение восстановить лестницу, чтобы пришелец мог приходить и уходить, когда ему вздумается. Туристы теперь ходили к дому толпами, подолгу стояли под окном, дожидаясь, пока кот появится в окне и вальяжно спустится по лесенке, однако усатый-хвостатый проявлял характер и в аттракционе принципиально не участвовал.

Из всех дел по хозяйству по истечении месяца остался только забор, и Погодин начал задумываться о том, чем станет заниматься дальше, когда и эта затея останется позади. Сидеть сложа руки он физически не мог, не умел, а делать в Малодвинске ему было совершенно нечего.

Тук-тук-тук. Стук его молотка равномерно разносился по округе. Руки были заняты, а голова свободна, и больше всего на свете Андрею хотелось отделить ее от плеч и спрятать на хранение в один из полных нафталина сундуков, хранящихся в подвале. Впервые в жизни голова ему мешала. Пожалуй, он понимал, почему Линн так и не смогла привыкнуть к новому образу, не жизни, нет, мысли. То есть не Линн, Алина.

Тук-тук-тук.

— Простите, вы ведь Андрей Погодин?

От калитки шел мужчина лет на десять старше Андрея. Признаться, Погодин удивился, увидев его, потому что не было ни одной причины, по которой у его скромного жилища должен был оказаться один из «отцов города». Собираясь на родину, Андрей, естественно, искал информацию, чтобы прикинуть, к чему стоит быть готовым. Город Малодвинск держали три крупных бизнесмена, негласно поделив между собой сферы влияния, не переходя друг другу дорогу и объединяясь для совместных благотворительных проектов.

У одного из них был лесной бизнес, у второго — колхоз, несколько ферм и перерабатывающие заводы, мясной и молочный. Третий, курирующий всю туристическую отрасль, включая гостиницы, рестораны и пополам с государством развивающий проект «В гостях у сказки», стоял сейчас перед Андреем Погодиным. Неожиданно, потому что где он, и где сказка...

— Да, это я, — вежливо сказал Андрей и отложил молоток. — Здравствуйте, Олег Иванович.

— Вижу, вы знаете, кто я.

Погодин усмехнулся.

— В Малодвинске вас все знают. Чем могу помочь?

— Андрей...

— Михайлович.

Рамки диалога Погодин всегда выстраивал заранее. Переходить на панибратство, даже с весьма уважаемым человеком, — значит поставить себя на ступеньку ниже. Это неправильно.

— Андрей Михайлович, я обратился к вам по рекомендации нашего общего знакомого, — тут он назвал фамилию, заставившую Погодина сдержанно кивнуть. Этот человек, один из немногих, знал о Погодине правду, и именно по его совету он уже месяц бил баклуши в Малодвинске в ожидании нового назначения. — Он бывал в наших местах на охоте и иногда, скажем так, консультирует меня по некоторым особенно важным вопросам. Видите ли, я попал в затруднительное положение, которое может быть чревато достаточно серьезными неприятностями. Наш общий друг сказал, что вы умеете щелкать подобные задачки и сможете мне помочь.

— В качестве кого? Наш общий друг сказал вам, кто я?

— Он счел достаточным сообщить, что вы серьезный финансовый аналитик, который ушел в длительный отпуск по семейным обстоятельствам.

Ну да, примерно так все и было.

— Ваша проблема носит финансовый характер?

— Не совсем, хотя, конечно, ситуация в целом связана с очень большими деньгами. Наш знакомый сказал, что у вас прекрасно развитые аналитические способности в целом и что вам, простите, скучно, поэтому, возможно, вы согласитесь решить мою проблему. Разумеется, конфиденциально и не бесплатно.

Пожалуй, в том, чтобы заделаться специалистом по особым поручениям, крылась определенная ирония. Вот только в одном его московский патрон был прав: Андрею Погодину было смертельно скучно.

— Вот что, Олег Иванович, — сказал он, приняв решение, — давайте пройдем в дом, и там вы мне все расскажете.

В доме под ноги кинулся невесть откуда материализовавшийся черный кот, видимо, когда никто не видит, все-таки пользующийся построенной для него лестницей в окно. И кенийский чай оказался кстати. Заваривая его, Погодин исподволь наблюдал за расположившимся у окна гостем. Тот был обеспокоен, но не на нервах. По крайней мере, в доме у Погодина он чувствовал себя в безопасности. Ладно, одно очко в его пользу. Закончив священнодействовать с чаем, Андрей перенес на стол маленький поднос, на котором стояли две чашки, чайник, небольшой молочник, сахарница, стаканчик с кусковым тростниковым сахаром и блюдечко с лимоном. Это был своеобразный тест, разумеется.

Его визави налил чай только в одну чашку, свою, щедро насыпал туда три ложки сахарного песка, кинул кусок лимона, потянулся к плетенке с сушками, которая стояла на столе. Погодин едва заметно улыбнулся. Себе он тоже налил чаю, причем не полную чашку, сахар класть не стал, плеснул немного молока, однако на все эти манипуляции гость не обратил ни малейшего внимания. Ладно, так и запишем.

— Итак, что у вас случилось?

— У меня пропали бумаги. Очень важные документы, касающиеся строительства в Малодвинске аэропорта.

— Что?